

Третью группу источников составляют материалы периодической печати, церковная и светская публицистика. Они свидетельствуют о всеобщем патриотическом подъеме общества в начале войны, содержат конкретные примеры героических подвигов русских воинов, а также священнослужителей на полях боев. Такие материалы содержатся в следующих периодических изданиях: журналах «Богословский Вестник», «Православное обозрение», «Церковный Вестник», «Церковные Ведомости». «Христианское чтение», «Православно-русское слово», «Русский Вестник», «Русский труд»; газет «Колокол», «Московские Ведомости», «Новое время», «Русское слово», «Слово».

Важнейшим источником для реконструкции приходской жизни в Тульской епархии являются «Тульские Епархиальные Ведомости», на страницах которых публиковались официальные материалы, то есть Высочайшие указы, определения и постановления Святейшего Синода, распоряжения епархиального архиерея, постановления Тульской Духовной Консистории. В неофициальной части редакция Ведомостей не заключала себя в слишком строгие рамки и занималась разработкой вопросов духовно-пастырской, церковно-народной, исторической и современно-бытовой жизни епархии, что определяет очень высокую значимость «Тульских Епархиальных Ведомостей» как исторического источника. Важно обратить внимание на отдел, который почти не встречался в Ведомостях других епархий – это отдел, называвшийся беллетристическим, состоявший преимущественно из рассказов о быте духовенства и простого народа.

Комплексное использование архивных и опубликованных источников позволяет получить достаточно репрезентативную историческую информацию о положении Тульской епархии в годы Первой мировой войны, степени ее участия в общероссийском патриотическом движении и роли в деле поддержки нуждающихся в военное время в поддержке групп населения.

1. Вестник военного и морского духовенства.
2. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х тт. – М., 1960.
3. Высочайше утвержденная в 13-й день сентября 1916 г. инструкция викарным епископам с особыми полномочиями. Пг, 1916.
4. ГА РФ. Ф.990. Оп.2. Д.475. Мансуров Борис Павлович. Заметки Мансурова Б.П. о православной церкви.
5. ГАТО. Ф.3.Оп. 8. Д.2273. Л.1, л.18.
6. Евлогий (Георгиевский) митр. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. М. Манухиной. М., 1994.
7. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох М, 1994.
8. Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 г. Пг, 1917.;
9. Отчет о деятельности Тульского городского комитета по призрению беженцев. Тула, 1916.
10. Прибавления к Церковным Ведомостям. 1915. №12-13. С.422-423.
11. Свод законов Российской Империи. Т.10-15. Пг, 1916.
12. Смета доходов и расходов ведомства Святейшего Синода на 1914 г. Пг, Синод, 1913-1916; Смета доходов и расходов ведомства Святейшего Синода на 1917 г. Пг, 1916.
13. Тульские Епархиальные Ведомости.
14. Церковные Ведомости. 1914. №30. С.348- 349.
15. Шавельский Г., протопресвитер. ГА РФ. Ф.1486. Оп.1. Ед.хр.13. ГА РФ. Ф. 1486. Оп.1. Д.9.

Елисеев А.Б.

СЛУХИ И СПЛЕТНИ ОБ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПАДЕНИЯ МОНАРХИИ В РОССИИ

По убеждению жандармского генерала А.И. Спиридовича, многие годы отвечавшего за личную безопасность императора Николая II и его семьи вне дворцовых стен, слухи и сплетни явились тем фактором, который подготовил необходимую для революции атмосферу [13, с. 123]. За месяц до Февральской революции, 28 января 1917 г., охранное отделение при управлении Петроградского градоначальника констатировало, что столичная публика «продолжает жить в области слухов», что «слухи растут с

каждым днем» и что «всякий, кому не лень, распространяет слухи о войне, мире, германских интригах и пр., – не видно конца даже всем этим слухам, которыми живет изо дня в день столица» [1, с. 125-126]. Современник зафиксировал, что в 1916 г. «всякие слухи и пересуды достигли своего апогея» [14, с. 91]. «Я теперь понимаю, – признавалась одна дама после революции в разговоре с дочерью врача императорской семьи, – что мы своими неумеренными разговорами оказали неоцененную услугу революционерам... Если бы мы раньше это поняли или имели достаточно уважения к царской семье, чтобы удерживать свои языки от сплетен, не имевших даже основания, то революционерам было бы гораздо труднее подготовить свое страшное дело» [3, с. 37].

Чтобы «оценить» услугу, которую оказали слухи и сплетни в деле разрушения трехсотлетнего господства династии Романовых и падения Российской империи, обратимся к содержанию этих слухов и сплетен. Толки об императорской семье и людях, окружавших ее, возникли уже в первые месяцы мировой войны. 11 ноября 1914 г. французский посол в России М. Палеолог зафиксировал в своем дневнике явление, которое больше всего поразило его за десять месяцев знакомства с русским обществом – это та свобода и даже излишняя вольность, с которой обсуждались император, императрица и императорская семья. «В этой стране, – писал французский дипломат, – где так сильны традиции самодержавия, где полиция, жандармы, “Охранка”, Петропавловская крепость и Сибирь – постоянно существующие грозные реалии, такое преступление как “оскорбление его величества” является привычным проступком в светских беседах» [8, с. 161-162].

В центре слухов и сплетен была поставлена, благодаря своему немецкому происхождению, императрица Александра Федоровна. «Она, бедная, являлась козлом отпущения за все, за все», – сожалел Спиридович [12, с. 150]. Молва окрестила ее «немкой» и поставила во главе так называемой «немецкой партии», лоббирующей заключение сепаратного мира с Германией (впрочем, в зависимости от конъюнктуры, императрицу именовали и «англичанкой» [13, с. 72]). Распространялся слух, что императрица «по прямому проводу» сносится с Вильгельмом II и выдает ему государственные тайны [16, с. 152]. От сестры милосердия генерал В.И. Селивачев слышал, будто «из царскосельского дворца от государыни шел кабель для разговоров с Берлином, по которому Вильгельм узнавал буквально все наши тайны». «Страшно подумать о том, – искренне недоумевал генерал, – что это может быть правда – ведь какими жертвами платил народ за подобное предательство?!» [2, с. 110-111]. После Февральской революции член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию злоупотреблений бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц В.М. Руднев специально обследовал комнаты императорской семьи с целью найти этот «прямой провод в Берлин» и не обнаружил такового [10, с. 294].

Отступление русской армии в Галиции летом-осенью 1915 г. подняло новую волну слухов и сплетен. В июне по Москве прокатился немецкий погром. «В течение последних нескольких дней Москва волновалась, – писал 11 июня 1915 г. М. Палеолог. – Слухи об измене ходили в народе; обвиняли громко императора, императрицу, Распутина и всех важных придворных» [8, с. 308]. Погромщики устремились и в Марфо-Мариинский монастырь, игуменьей которого была сестра императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна – в Москве были убеждены, что она немецкая шпионка и скрывает в монастыре своего брата великого герцога Гессенского [8, с. 308-309; 12, с. 152].

Вместе с императрицей Александрой Федоровной объектом всевозможных слухов стал Г.Е. Распутин, которому также приписывали шпионаж и участие в «немецкой партии». Ходили слухи о том, что он пытается убедить императрицу сместить Николая II и провозгласить себя регентшей [4, с. 148]. По другой версии, это стремление приписывали влиянию премьера Б.В. Штюрмера. Слух о том, что императрица «хочет быть регентшей» приписывался либо прямо ему, либо его близкому окружению [13, с. 106-107, 169-170]. Само имя Штюрмера было синонимом «германофильства» [13, с. 170].

«Подобно лесному пожару», по словам А.Ф. Керенского, распространялись слухи о пребывании Распутина во дворце [4, с. 150]. Говорили о его интимных отношениях с императрицей и великими княжнами [13, с. 163]. В частности, сплетничали, что Распутин «купает великих княжон» [15, с. 150], что великая княжна Татьяна «жила с Распутиным и забеременела от него» [2, с. 116]. О своих отношениях с великой княжной Ольгой сам Распутин якобы говорил министру внутренних дел А.Н. Хвостову: «Мать мне надоела: я с дочкой, Ольгой» [7, с. 39].

Помимо императрицы и Распутина «немцами», «сторонниками сепаратного мира», «членами немецкой партии» и «шпионами» называли всех лиц, близких ко двору императора: министра двора графа В.Б. Фредерикса, графа П.К. Бенкендорфа, генерал-майора А.А. Дрентельна, главного конюшего двора генерала фон Грюнвальда, А.А. Вырубову и др. Наконец, «немцем» окрестили и самого Николая II. Один поручик спросил у другого: «О каком Николае ты говоришь?» и услышал в ответ: «Конечно, о великом князе! Тот другой – просто немец!» [8, с. 292]. Замена великого князя Николая Николаевича на посту Верховного главнокомандующего Николаем II была расценена как победа «немецкой партии»: «Пошел слух, что Великого Князя свалила “немецкая партия”, что теперь скоро заключат сепаратный мир с немцами» [12, с. 197].

Самого Николая II слухи превратили в пьяницу [5, с. 17-18]. Будто бы спаивала его Александра Федоровна. Одна дама восторженно говорила: «Сегодня мы распускаем слухи на заводах, как императрица спаивает Государя, и все этому верят» [15, с. 161]. Даже отречение Николай II подписывал, будто бы будучи пьяным, о чем передавали, по воспоминаниям современницы, «с особым удовольствием» [3, с. 54]. Другой слух шел о том, что императрица с целью подчинения государя опаивает его каким-то дурманом, который «расслабляет ум и волю Государя» [13, с. 163].

Слухи о «немецком засилье» проникли на фронт. В одном из солдатских писем читаем: «если бы в России начальники были все русские, давно бы врага разбили...» [11, с. 133], в другом еще лаконичнее: «командиры почти все из немцев» [11, с. 139]. Об отношении солдат к императрице говорит следующее свидетельство: «Солдаты на фронте считали дурной приметой получать из рук царицы георгиевский крестик – убьёт немецкая пуля...» [16, с. 152].

Подозрение о проникновении шпионов и изменников в Царское Село было настолько велико, что, «снедаемый сомнениями» морской министр адмирал И.К. Григорович решил проверить эти слухи и на запрос из Царского Села о точной дате осуществления определенной военно-морской операции, передал туда ложную информацию о приказе к отплытию отряда русских крейсеров. «И со всей точностью, именно в тот час и в том месте, когда и где, согласно переданной информации, должны были появиться русские крейсера, оказалась немецкая эскадра кораблей», – свидетельствовал А.Ф. Керенский [4, с. 148].

В феврале 1916 г. московское охранное отделение в сводке о «настроении общества» констатировало, что «сейчас грязные сплетни о царской семье стали достоянием широкой улицы» [1, с. 77]. Полиция отмечала чувство «крайнего неуважения к особе государыни императрицы Александры Федоровны», «чувство озлобления в отношении ее, как к “немке”», а также острое и глубокое раздражение «против особы государя императора» [1, с. 78, 77].

Озлобление против императорской семьи овладело не только улицей. Профессор Московской духовной академии А.Д. Беляев свои впечатления о событиях зафиксировал в дневнике так: «Вот она, германка-то, что натворила! Кликуша немецкая!» [9, с. 15]. 23 марта 1917 г. он вновь вернулся к этому вопросу. Вот его размышления: «Тысячи революционеров не уронили так самодержавия, монархию, трон и династию Романовых, как эта германка с своим гнусным Распутиным, с своим германизмом, с своею сумасшедшею хлыстовщиной, с своей отчужденностью даже от всех членов царского дома и чуть ли не с манией величия. А царь повредил себе и монархии безволием,ленью, беспечностью, пристрастием к вину (по-видимому), тугоумным подчинением сво-

ей обер-кликуше... Жалкие люди и жалкая теперь, да и прежде, семья, несчастная семья! Нравственно и культурно обе главы семьи упали еще раньше переворота и окончательного падения» [9, с. 29].

Нельзя не заметить, что отмеченное А.Д. Беляевым нравственное и культурное падение «обоих глав» августейшей семьи Романовых – не что иное, как результат действия слухов и сплетен, которым верил даже профессор.

В октябре 1916 г. Петроградское охранное отделение фиксирует нарастание тревожных ожиданий. В различных комитетах и организациях, «близко соприкасающихся с обывателем» «все без исключения выражают определенную уверенность в том, что “мы накануне крупных событий”, в сравнении с коими “1905 год – игрушка”» [1, с. 129]. А еще через четыре месяца – в январе 1917 г. – прямо пишет, что «слухи о “ближайших событиях” создали ту почву, на которой теперь наблюдается странное ожидание обществом “событий первой важности”, приуроченных то к 9-му января, то к 12-му, то к 24-му, то к 1 февраля, 8, 14 и т.д. Слухи заполнили собою обывательскую жизнь: им верят больше, чем газетам, которые “по цензурным условиям не могут открыть всей правды”» [1, с. 125].

Неудивительно, что выплеснувшись в 20-х числах февраля 1917 г. на улицы Петрограда с криками «Хлеба!», толпа очень быстро добавила к ним требование: «Долой правительство, долой Алису!» [3, с. 46]. Еще спустя недолгое время углубление революции дошло до вопля: «Товарищи! Говорят, революция продолжается, а где же зарево пожаров, где же кровь?» [6, с. 81].

В предреволюционные годы слухи и сплетни об императоре, его семье и приближенных достигли массовых масштабов, став предвестником радикального слома старого общества и перехода его в новое состояние. Мало кого интересовало, отражали ли они реальное и хотя бы искаженное положение дел или были плодом чистого вымысла. Слухи и сплетни формировали и передавали общественное мнение и настроение. Именно поэтому историку не следует игнорировать этот весьма специфический исторический источник.

1. Буржуазия накануне Февральской революции. – М.; Л.: Государственное издательство, 1927. – 204 с.
2. Из дневника ген. В.И. Селивачева // Красный архив. – 1925. – Т. 2 (9). – С. 104-132.
3. Мельник-Боткина, Т. Воспоминания о царской семье и ее жизни / Т. Мельник-Боткина. – М.: «Захаров», 2009. – 144 с.
4. Керенский, А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары / А.Ф. Керенский. – М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1996. – 512 с.
5. Курлов, П.Г. Гибель Императорской России / П.Г. Курлов. – М.: Современник, 1991. – 255 с.
6. «Один из возмутительнейших эпизодов нашей революции». Записки комиссара Временного правительства В.Н. Пепеляева о событиях в Кронштадте в марте–июне 1917 г. // Исторический архив. – 2007. – № 4. – С. 70-110.
7. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. – Л.: Государственное издательство, 1924. – Т. 1. – 432 с.
8. Палеолог, М. Дневник посла / М. Палеолог. – М.: Захаров, 2003. – 830 с.
9. «Печально что-то и страшно». Впечатления и размышления профессора Московской духовной академии А.Д. Беляева. Январь–март 1917 г. // Исторический архив. – 2007. – № 5. – С. 3-38.
10. Руднев, В. Правда о царской семье и «темных силах» / В. Руднев // Святой чёрт: Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы следственной комиссии. – М.: Книжная палата, 1991. – С. 281-295.
11. Солдатские письма в годы мировой войны (1915–1917 гг.) // Красный архив. – 1934. – Тт. 4-5 (65-66). – С. 118-163.
12. Спиридович, А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 г.г. / А.И. Спиридович. – Нью-Йорк: Всеславянское Издательство, 1960. – 304 с.
13. Спиридович, А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 г.г. / А.И. Спиридович. – Нью-Йорк: Всеславянское Издательство, 1960. – Кн. II. – 234 с.
14. «Судьбы Родины казались в каком-то тумане». Воспоминания В.С. Арсеньева. 1917 г. // Исторический архив. – 1994. – № 2. – С. 89-110.

15. Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. – М.: Советский писатель, 1990. – 299 с.
16. Шаляпин, Ф.И. Маска и душа. Мои сорок лет на театрах / Ф.И. Шаляпин. – М.: В/О «Союзтеатр», 1989. – 318 с.

Назарова Е.Л.
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЛАТЫШЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА МОСКВЫ

С конца 80-х гг. XX века историки бывшего СССР, а затем и постсоветского пространства начали уделять существенно больше внимания истории народов в диаспоре, в первую очередь, в других регионах Российской империи/СССР за пределами их этнических территорий. Это очень важно, поскольку миграция народов по экономическим, политическим и прочим причинам была со второй половины XIX века весьма значительной. В этой связи историки активно обращаются к материалам российских архивов, содержащих разнообразную информацию о народах империи.

Обратимся к возможностям изучения истории латышей по архивным источникам современной России. В сферу внимания исследователей уже попали центральные государственные архивы, а также областные хранилища Поволжья, Урала и Приуралья, Сибири, где в разное время - добровольно или вынужденно - селилось большое количество латышей. Первые результаты исследований архивов уже опубликованы в печати [См. 1-9 и др.]. В настоящем докладе подведем первые итоги изучения истории латышей по материалам Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ).

Ориентироваться в более, чем 2 тыс. фондах архива помогло предварительное выявление латышей по адресным книгам г. Москвы и выявление там по фамилиям и именам лиц латышского происхождения. Кроме того, по публикациям и исследованиям о лидерах латышского национального возрождения, определяется круг лиц, которые длительное время трудились (в основном преподавателями) или учились в Москве: К.Валдемарсе, К.Баронсе, Фр. Бривземниксе, Е.Велме и др. В связи с этим в первую очередь вызвали интерес фонды образовательных учреждений Москвы: вузов и средних учебных заведений, а также общий фонд Московского учебного округа[3].

Выявление латышей по русским источникам связано со сложностью идентификации их по фамилиям, которые в России чаще всего получали более привычную для русского языка огласовку, не всегда позволяющую определить этническое происхождение конкретного человека. Христианские личные имена также могли передаваться в русском варианте (*Иван* вместо *Яниса*, *Петр* вместо *Петериса* и т.д.). У значительной части латышей были немецкие фамилии, соответственно определить национальность носителей этих фамилий без дополнительной информации о них не представляется возможным. В первую очередь, ориентиром служит смысловое значение фамилии, хотя нередко при ее русификации могла меняться и корневая часть слова, или же фамилия по виду становилась идентична обычной русской. Так *Латин* мог быть как русским, так и латышом по фамилии *Латиньш*, *Силин* – *Сильньшем*, *Летин* - *Льетиньшем* и т.п. Прямое указание на национальность человека встречалось достаточно редко. Четким показателем может быть территориальное и социальное происхождение: из крестьян Лифляндской или Курляндской губернии. Таким образом, при выявлении лиц латышской национальности в российских архивах приходится учитывать комплекс самых разных признаков.

Тем не менее, даже простой просмотр описей по названным фондам показывает, что число лиц, которые могут представлять интерес для темы «Латыши в Москве» с середины XIX в. до 1917 г. насчитывает не одну сотню. Среди них - преподаватели высших учебных заведений, средних учебных заведений разного типа, студенты, вольнослушатели и учащиеся классических гимназий (государственных и частных) реальных, коммерческих и профессиональных училищ.